

Революционно-романтический пафос поэзии Николая Асеева определило время. Рождалось новое, невиданное в мире государство, рождалась новая по содержанию, форме, ритмам поэзия.

В. В. Маяковский говорил, что «литература революции началась со стихов». Грандиозность событий, великая историческая ломка требовали от поэтов новаторского художественного отклика. В поэзию входил новый герой, новые идеи волновали читателей.

Мотивы молодости Страны Советов, образ летящего времени, героика борьбы и труда — в центре стихов и поэм Асеева. Лирические, песенные интонации органично сплавлены в его произведениях с ораторскими, публицистичными. И в публицистике, и в лирико-философских размышлениях о судьбах XX века Николай Асеев остается поэтом оригинальным по строю мыслей, чувств, стиха.

Биография времени, биография поколения запечатлена в своеобразной поэтической летописи, созданной поэтом на протяжении его творческой жизни. В строках стихов Николая Асеева звучат и

*поступь Истории, и молодой, страстный,
нежный, задумчивый, веселый голос лири-
ческого героя — современника, строителя,
борца.*

СТИХОТВОРЕНИЯ

Как желтые крылья иволги,
как стоны тяжелых выпей,
ты песню зажги и вымолви
и сердце тоскою выпей!

Ведь здесь — как подарок царский —
так светится солнце кротко нам,
а там — огневое, жаркое —
шатром над тобой оботкано.

Всплыву на заревой дреме
по утренней синей пустыне,
и — нету мне мужества, кроме
того, что к тебе не остынет.

Но в гор голубой оправе
все дали вдруг станут отверстыми,
и нечему сна исправить,
обросшего злыми верстами.

У облак темнеют лица,
а слезы, ты знаешь, солены ж как!
В каком мне небе залиться,
сестрица моя Аленушка?

1916

Я буду волком или шелком
на чьем-то теле незнакомом,
но без умолку, без умолку
возникнет память новым громом.

Рассыпья слабостью песка,
сплывись беспамятностью глины,
но станут красные калины
светиться заревом виска.

И мой язык, как лжи печать,
сгниет заржавевшим железом,
но станут иволги кричать,
печаль схвативши в клюв за лесом.

Они замрут, они замрут —
последний зубр умолк в стране так,
но вспыхнет новый изумруд
на где-то мчащихся планетах.

Будет тень моя беситься
дни вперед, как дни назад,
ведь у девушки-лисицы
вечно светятся глаза.

1916

АЛМАЗЫ

Уголь приближается к алмазу
не одну, а много сотен лет;
так народом медленно, не сразу
выдается на-гора поэт.

Все же, как он в недрах вызревает?
Как там происходит этот рост?
Как в себя он под землей вбирает
молчаливое мерцанье звезд?

Химия, конечно, это знает:
как его природа испекла,
чтоб его резная грань сквозная
резала простую гладь стекла.

Скажешь, уголь? Нет, уже не уголь:
сжатый прессом тысячи веков,
он вместил и черный пламень юга,
и слепую искристость снегов.

Не бывать искусственным талантам,
стоящим дешевые гроши,
вровень с настоящим бриллиантом,
режущим простую гладь души.

1962

СКАЖИ, С КЕМ ТЫ ЗНАКОМ?

С кем я знакомствую?

Со Стендалем,
с Пушкиным, с Гоголем, с Достоевским.
«Да, но ведь эти из дальней дали!
А на сегодня знакомиться есть с кем?
Что ж на сегодня?..»

Звенит мелочишка,
но не отметишь великих имен.
Может, еще подрастут мальчишки,
станут Мужами своих времен;
может, еще наберутся силы —
выдвинутся на века вперед,
чтобы им памятники постановили
не начальствующие, а народ!
Пушкин!

В поэтах на первом месте,
не постаревший и после конца;
нет безупречней и чище чести
неувядающего венца.
Бешеной царской собакой укушен,
лишь пред народом он шляпу снял;
так вот его и вознес Опекушин
на всенародной любви пьедестал.
Из современников был я дружен
с тем, кто и в жизни великим был...
И для него я был в чем-то нужен,
а его я — как солнце любил.
И теперь, меж другими сидя,
во всеобщий впадая тон,
на судьбу я в глухой обиде:
почему нет таких, как он?
Те, о которых вы только читали,
далью времени унесены, —
так же любили, страдали, мечтали, —
в нашей памяти живы они!
Не одни мы живем на свете,
и не клином сошелся свет.